

92 года.

вляем с

овна и
рович.

бабушку
аем здо-

знуки.

равляем
то, успе-
ту-20.

1 Я

сии с
родажа.
займа
о нему.
займа
без уп-
октября
плачи-

водчес-
чугов
й и ме-
льзуют

часть
из него
находя-
ды, пе-
с с дру-
го уве-
ют для

импера-

рт —
давай-
льской

тпрома»,
сельские
насле-
ную по-
лентую—

Обра-
юбимов-
турьяно-

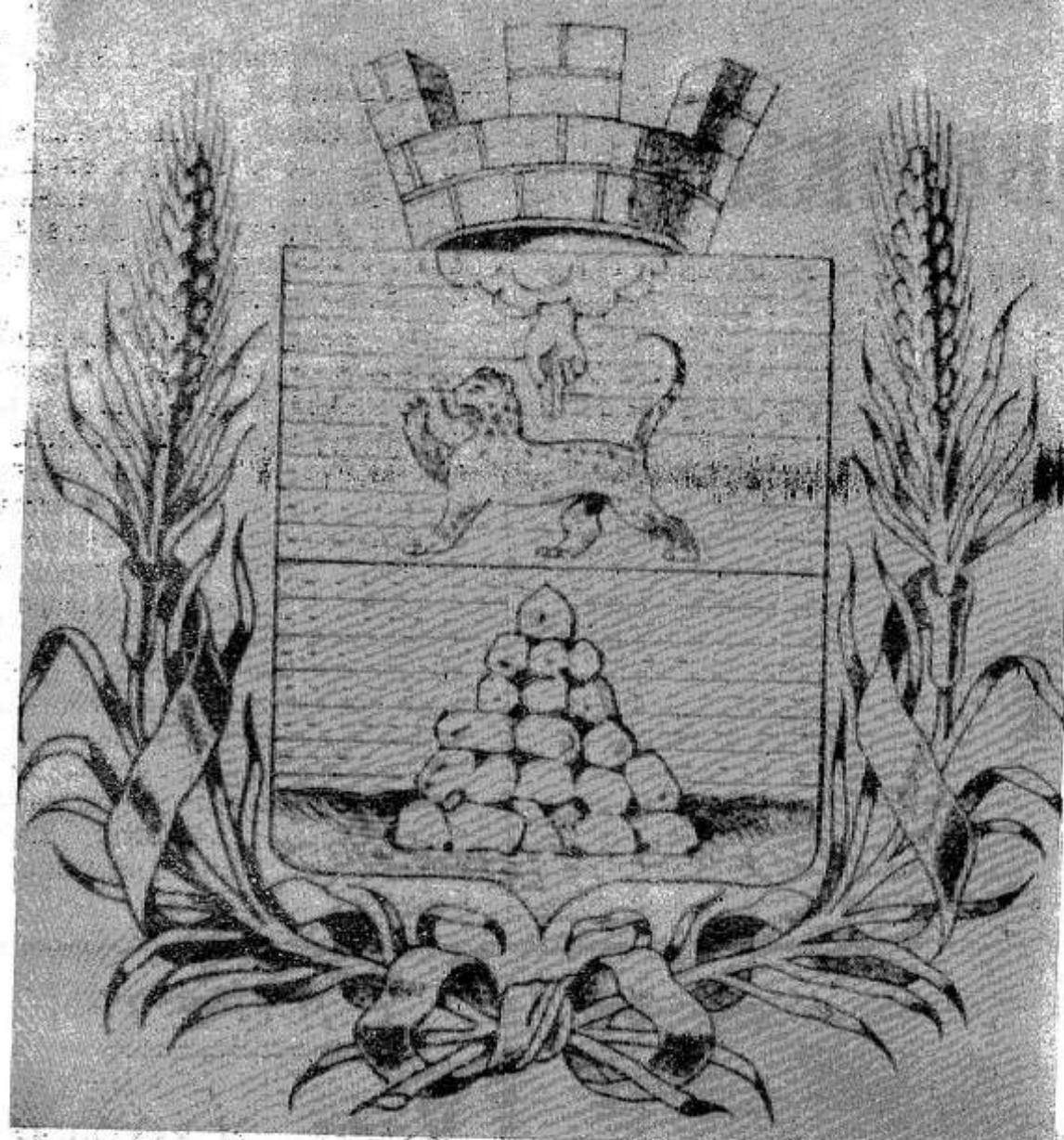
тирина
нальные
сяться в
КХ по
17/11.

нас.
БАКА»
нас.

ТОВ
ответ-
ем —
ра —

ий Со-
и мас-

аж 7921.



КРАСНЫЙ МАЯК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ОПОЧЕЦКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГАЗЕТА ОСНОВАНА В ДЕКАБРЕ 1918 ГОДА.

№ 25 (10255) *

Выходит по вторникам,
четвергам и субботам.

* ЦЕНА в розницу — 20 копеек.

ВТОРНИК,
3 МАРТА
1992 ГОДА.

● Репортаж с поля

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

На совещаниях с руководителями хозяйств неоднократно поднимался вопрос, почему темпы производства продукции снижаются по многим показателям. И отмечалось, что большую сумятицу в организации труда вносит неопределенность дальнейшей структуры хозяйствования.

Такое же наблюдалось и в совхозе «Опочецкий». Но вот страсти улеглись, рабочие на общем собрании решили, что хозяйству быть на долевом участии. И все, кажется, вернулось в свое русло.

Перестройка унесла много времени, и сейчас надо сконцентрировать все свои усилия на подготовке к весенне-полевым работам. Это не только «подбить бабки» по ремонту техники, приведению в порядок почвообрабатывающих машин, но и как следует удобрить поля, особенно под пропашные культуры.

Из года в год совхоз среди других хозяйств района занимает лидирующее положение по внесению органики в почву. Здесь, как правило, на гектар пашни в среднем приходится по 12–14 тонн компостов, а под пропашные вносятся не менее 80–100 тонн навоза.

В мастерских, что находятся в деревне Большие Рогатки, мне сказали, что особенно успешно накапливает органику на полях звено Юрия Викторовича Орехова. Что оно сейчас работает и отвозит компости от фермы Кирово.

Проезжая проселком, нельзя было не заметить интенсивное движение колесных тракторов



с тележками, груженными компостом. Вот и ферма Кирово, которая на протяжении многих лет славится высокими надоями. Нынче, например, К. М. Захарова в среднем от коровы надолна по 5,5 тысячи килограммов молока.

Николая Алексеевича Ефимова я хорошо знаю давно. С 1967 года он работает в совхозе механизатором, сегодня, как и раньше, он за рычагами своего погрузчика. Работает быстро, умело. Его ковш почти мгновенно хватает жирную, темную массу и до отказа набивает тракторную тележку.

Звеньевой Юрий Викторович Орехов малоразговорчив, но сообщил нам, что органика сейчас в основном доставляется на поля, где будет возделываться кукуруза. Что кукуруза в среднем с гектара надо соб-

рать не менее 350 центнеров, что зеленая масса в основном пойдет на силос для скота.

Совхоз ежегодно заготавливает в среднем на условную голову скота до 20 и более центнеров кормовых единиц. Нынче эта цифра намного ниже — по объективным и субъективным причинам. Откровенно говоря, были промахи и в организации труда.

Нынче права на ошибку нет. Новый подход к экономической и хозяйственной деятельности требует максимальной отдачи земли в виде хороших урожаев пропашных, кормовых и других культур.

А. КУЗЬМИН.

НА СНИМКАХ: Н. А. Ефимов (вверху); звеньевой Ю. В. Орехов.

Фото Ю. Орлова.



Гость редакции — дворянин

В ОДИН из последних февральских дней редакцию «Красного маяка» посетил не совсем обычный гость. Конечно, все смотрят программы Центрального телевидения и знают, что в Москве уже давно началось движение потомков русских дворянских родов за восстановление дворянского сословия. И вот один из тех, кто получил диплом, удостоверяющий его принадлежность к дворянству, — гость редакции Платон Сократович Афанасьев, потомок (по женской линии) оставившего заметный след в русской истории дворянского рода Лавровых. Этот род дал, в частности, известного по учебнику истории каждому советскому школьнику основоположника русского социализма Петра Лавровича Лаврова. Это прапрадед Платона Сократовича Афанасьева.

— Номер моего диплома, удостоверяющего мое дворянское происхождение, — 39, — сказал на встрече с районными журналистами Платон Сократович. — Всего же их выдано уже более пятисот. Надо сказать, что это очень непростая процедура — причисление к дворянскому сословию. Немало пришлось заполнить анкет и представить документов.

Вместе с Платоном Сократовичем к дворянскому сословию причислен его сын Мстислав, который в настоящее время учится в университете в Париже.

Как и его дворянские предки, Мстислав прекрасно знает французский язык, на котором предпочитало объясняться в прошлом веке благородное общество.

— Мой сын (а ему сейчас двадцать четыре года) читает свое дворянское происхождение, — сказал Платон Сократович. — Он очень серьезно относится к своим предкам.

Хочу еще раз подчеркнуть, что дворянство — это сословие, а не политическая партия. Но любой из общественных сил, действующих сейчас на политической арене, льстит, если к ней примыкают дворяне. Это как свидетельство благородства устремлений данной политической партии...

О других аспектах беседы коллектива редакций со своим гостем читайте в одном из ближайших номеров «Красного маяка».

В. ИВАНОВА.

одну да-
стии наших
следую-
щих, выез-
«трудовой
в контору
важаемые
ли нашей
результат
зывод из
ла делать
хочется
в дерев-
гистраль-
порой и
И важно,
стороны
ем более
действен-
бы в эпо-
мократии
демагогии
й. Ведь
ушки и

Разве нет возврата к прошлому?

СЕЙЧАС все политики и правители страны громогласно заявили о духовном возрождении России. И не секрет, что многие наши беды в том, что люди, утратив эти исторические корни, забыли всевозможные обряды, национальные и религиозные праздники, остались духовно обездоленными и никими. Для них стали чужды заповеди Христа — не воруй, не убий, не прелюбодействуй и т. д. Возлюбить ближнего своего стало трудно и тем более врага — невозможно.

Возьмем нашу деревню. Ведь в каждом маломальском селе была построена каменная или кирпичная церковь. А сколько было деревянных? Была такая церковь и в деревне Балтино, что на самой окраине колхоза «Большевик». В 1936 году ее закрыли, иконы вывезли, часть растилали по домам. Помню, здесь организовали клуб. Молодежь собиралась на танцы, а тогдашний директор семилетней школы Исаак Ефимович играл на гармошке. Он был из деревни Заверяйки. А потом играл его ученик Иван из Белоусова.

Раз в неделю привозил в церковь звуковое кино киномеханик Михаил из Вересенцев. Хорошо помню, за посещение кино брали один рубль. Потом здесь, в храме, новый директор местной школы, командир среднего состава, обучал нас, допризывников, воинским знаниям.

А священник Балтийской церкви Иван Овчинников и дьячок Гавриила Петрович были высланы в Великие Луки на трудовое перевоспитание.

Более суровая «карьера» постигла храмы города Опочки. Их разбирали, взрывали. Так разрушили храм в центре Опочки, на территории педагогического училища разобрали Никольскую церковь. Уничтожили Троицкую церковь, где сейчас в Завеличье магазин «Одежда». Здесь даже был устроен склад под сахар.

Забыли люди и про то, когда что можно было есть, про посты. Вот, скажем, к Рождеству крепали колбасы, 22 марта (Сороки) варили клецки, 7 апреля (Благовещение) ели сельдь и рыбу, к Пасхе красили яйца, к Троице варили сырьи, пекли дрожьи, яйца варили и красили в листьях березы, варили кутью.

Седьмого июля (Иван цветной) ели ягоды, 19 августа (Спас) варили яблоки, 11 сентября (усекновение главы Иоанна) ели мед. В этот день никак нельзя сечь топором и кушать мясо.

Люди все жили сообща. Дружно не толькоправляли праздники, но и работали. Даже в период организации колхозов. Вот сейчас не только заговорили о пользе колхозов, но и уничтожили их. А ведь сколько колхозами проявлялись заботы о простых людях.

Помню, у моего отца в доме не было коридора, сейней. Так ему навозили леса из Юрчат. У него была и своя земля — всего дваектара, данная ему в 1922 году. На ней не разживалась. Потом на ней сеяли лен.

Впереди у россиян другая эпоха. Это возвращение городам исконно русских названий. И эта эпоха уже началась. И может, мы услышим не только о том, что вновь есть Санкт-Петербург, но и Царицын, Екатеринодар и другие исторически сложившиеся названия крупных центров России.

А. НИКОЛАЕВ,

Обратите внимание...

Читателям нашей газеты, на мой взгляд, уже должна запомниться эта фамилия — Глебов. Появилась она на наших страницах не так давно, но наверняка не осталась незамеченной. Помню, как Владимир Павлович пришел в редакцию в первый раз. Тогда он принес свои стихи. Не для публикации. «Мне хотелось бы знать ваше мнение...» — так он сказал и протянул несколько испытанных листков. Взяла я их, без энтузиазма. Потому что стихов нам присыпают достаточно, причем большая часть из них такова, что... Ну да, ладно... Так вот — о стихах Глебова. Взяла я их, щадительно скрывая скучу и неудовольствие, и прочитала. А потом уже во все глаза глянула на сидящего передо мной мужчину. Стихи, которые он принес, были настоящими. И были в них и чувство, и настроение,

и даже мастерство. Откуда? Последнее, разумеется. Расспросила — нигде специально этому не учился... Впрочем, разве можно научиться тому, что только Бог в дар дает. А этому человеку, мне кажется, Бог дал...

Потом Владимир Павлович стал писать и специально для газеты — небольшие корреспонденции из нашей жизни. Я их читаю с удовольствием. И не только я. То же самое могу сказать о своих коллегах, потому что публикации Глебова мы обсуждали и в мнении сошлились. Не пропускайте материалов и стихов под этой фамилией. Запомните — Владимир Павлович Глебов.

Л. САЛЬКОВА.

Рассказ

из жизни рыбака-любителя...

Я бы предложил руководству внешней разведки набирать работников для работы за границей из рыбаков-любителей. Жизнь в конспиративных условиях, под постоянным гласным надзором для них естественна. Несмотря на тотальную слежку, рыбак должен в течение недели подготовить снасти, намыть мотыля и в субботу в час «х», о котором с точностью до минуты известно домашнему надзирателю, исчезнуть из поля его зрения. Надо ещечесть, что с годами растет опыт рыбака, порастет и опыт надзирателя. Если вначале выручает простейший прием — на вопрос «Опять завтра на рыбалку?» рыбак с видом приговоренного к расстрелу отвечает: «Какая там рыбалка? Дома работы невпроворот. Нужно сделать то-то, то-то...» И загинает все десять пальцев. То через месяц тактику нужно менять.

Изобретательность в конспирации и уходе из под надзора оттачивает до остряя лазерного луча ум рыбака. Когда моя личная надзирательница исчерпала все возможности уследить за мной, она применила простой и железный, как лом прием. Жили мы тогда в городе, на четвертом этаже. Она с вечера закрыла дверь на замок и ключ положила себе под подушку. На другой день вечером она только и могла проинформировать: «Как? Неужели по водосточной трубе?» Нет, конечно. Но секрет свой я так и не открыл.

Некоторые позже, некоторые раньше сдаются. Закидывают на чердак удочки и начинают заниматься филателией. Остав-

шуюся же, не сломленную часть, можно без подготовки засыпать за границу, давать им любой сложности задание и не сомневаться, что они это задание выполнят, с блеском. В субботу, прихватив ящик со снастями, я вышел из дома, чтобы встретиться именно с такими людьми. В машине уже сидели семеро. Ждали девятого. Разговор шел о предыдущих уловах, как всегда каждый из нас в прежние времена окуня мешные полукилограмма ловить считал ниже своего достоинства. Некоторые специализировались на полутора-двухкилограммовых лещах. Девятый прибыл в распахнутой шубе, с раскрасневшимся лицом и с за jakiатой в руке полбулыкой водки.

— Что, поганки, — сказал Девятый, — выпили вчера свою. Вот теперь смотрите, как умные люди умеют жить.

Мы дружно слотнули набежавшую слоню, а вслух подумали:

— Перед рыбалкой не пьем. — Вот и молодцы, — сказал Девятый и большим глотком ополовинил полбулыки.

Остановились в небольшой деревеньке, рассыпавшейся на берегу озера. Прижало ветром к земле дым, с нехотя изливающейся из труб. Золотом сверкали светящиеся окна изб. Исполняя важнейшее правило рыбаков — рыба лучше клюет на противоположного берега — мы гусью направились к темнеющему вдали ельнику. Навстречу нам шла примерно такая же команда рыбаков от противоположного берега к нашему. Шестой из нас сразу же отделился и направил

всялся в сторону пебольшого островка.

Я прикинул, где должен стоять косяк горбачей, и прокрутил лунку. Крупная рыба сразу на мормышку не кидается. Она должна сначала осмотреться и только потом заглотить жёлезку с рубиновым червяком. Прошло полчаса. Горбачи оказались тугодумами. Мормышка ложилась на дно, вздрогивала, несколько раз, поднимая со дна облачко муты и, медленно покачиваясь, начинала подниматься. Наконец кивок чуть вздрогнул. Подсека. Выловленному окуню не хватало до веса горбача лет пять росту. Через полчаса — еще один будущий горбач. И на этом заклинило. Начал рассматриваться к другим рыбакам: никто на одной лунке долго не задерживался. Значит, клева нет по всему озеру. Те, что ушли к нашему берегу, возвращались к своему. Наши

шили им навстречу.

У островка приметил торчайший из воды, занесенный шапкой снега пенек. Вот там-то окунь должен обязательно стоять. Направился к пенеку. Но оказалось, что это не пенек. Это просто спал над недосверленной лункой Шестой из нас. Видно, и он не выпил вчера выданную нам после колхозного собрания водки.

Отошел от него метров на пятьдесят и прокрутил лунку. Сразу же поймал плотвичку. За неё вторую, третью. Вскоре ко мне подошел Четвертый из нас. Сел рядом. И у него начала братья плотва. Не успели поймать по десятку, как от нашей машины послышались

крики: «Домой, домой поехали!»

— Они что, с ума посходили, — завозмущался Четвертый из нас.

Клевало. Но нужно было сматывать удочки. Семеро одного не ждут.

— Давай мне весь твой улов, — сказал Четвертый из нас, — а сам сиди здесь и почаще машу руками. Сейчас они все здесь будут. И пошел в сторону машины.

Он оказался пророком. Через пятнадцать минут меня со всех сторон обсверливали наши рыбаки. Клев, естественно, сразу же прекратился.

Первый не выдержал Девятый из нас. Ругая на чем свет стоит Четвертого, он направился к машине, а через несколько минут оттуда послышался истеричный крик.

— Поганки! Колхозники чертова! Изголодались! Из-за одной плотвички будут день над лункой сидеть! Поехали домой!

Пришло сматывать удочки и идти к машине. Уже отъехали километра два от озера, когда хватились, что нет среди нас Шестого. Пришло возвращаться. Нашли его по парку, выбывающему из-под сугроба. Выкопали, разбудили. Пока шли к машине, он разбрался в ситуации и понял, что был на рыбалке.

Пока ехали обратно, ругали Девятого из нас за сорванную рыбалку и одобрительно отзывались о Шестом. Но каждый уже прикидывал, как в следующую субботу уйти из-под до машнего надзора.

В. ГЛЕБОВ.

Считаю высшую наградой...

В стране, в которой я живу,
Где вся мораль ногами к небу,
Где умным числится в мире
Слюнявой зависти в потребу
Тот, кто умеет взятку дать,
И получить умеет взятку,
Кто перед сильными — вприсядку,
А перед прочими — как тать.
Где умный тот, кто больше ханнет,
В ком честью, совестью не пахнет,
Кто вся и все готов продать —
Землю, страну, родную мать...
И вот в малиннике таком,
Скажу без всякой я бравады,
Просить глупцом и дураком
Считаю высшую наградой.

* * *

Над гладью Великой плывут облака,
В туман разбиваюсь о круг берега,
О старой усадьбы обугленный труп,
О, башни обломанный временем зуб.
Здесь кони Батория пили луну,
Взрывали ливонцев полки тишину,
И в шелесте волн, не услышав беды,
Звезды считали сквозь толщу воды.
Лады расписные заморских гостей,
Расцветье товаров, безбрежье вестей.
Варяжские сани, былинная Русь,
Звонниц малиновых звонкая грусть.
Под ратных копыт перестук-перезвон
Века за веками аллюром в обгон.
От мелей Опочки до псковских глубин
Петляя сквозь время река господин.
Багряные зори купались в лазурь,
Но шкал пятилеток, геройство до дури
Поносом индустрии, яdom полей
Под грохот литавр надругались над ней.

И в слове «Великая» — горечь насмешки.
По радужной глади — плотвичек полешки,
Ворон ненасытных галдящие стаи,
Да скучу струящие желтые мари.

ПАМЯТЬ

Дети резвятся, играют в футбол.
Гол! Гол! Гол!
Бегают дети, толкаются...
Здоровья и сил набираются.
«Васька, ворота пусты, дуралей!
Бей! Бей! Бей!»
Дяди идут умиляются:
«Все подворотнях не маются».
Черепом дети играют в футбол...
Гол!!! Гол!!!
Гол!!!

* * *

Занедужила погода на дворе.
Не понять, весна иль осень в январе.
Словно пьяный, заблудившийся во мгле,
Небо ползает по слякотной земле.
Натянуло серым мороком с реки,
Не видать ладони поднятой руки.
По дорогам не проехать, не пройти,
Все раскисло, хоть по воздуху лети.
Натоплю сухой осиной жарко печь.
Сяду с книгой у лампы во стο свеч.
И пускай январь апрелит-октябрит,
Лампы свет в графине солнышком горят.

* * *

Наконец-то все сказались,
Что десятки лет копилось,
Что на совести гноилось
И фурункулом прорвалось.

Только вот какая жалость,
Все сказались-то сказались,
Но на утро оказалось
Все, что сказано, приснилось.

